
В кресле у остывшего камина,
Кутаясь в заплатанную шаль,
Согревает сгорбленную спину
Мать моя блаженная – Печаль -

Рядом на продавленном диване
Ищет утешения слова
В треснувшем захватанном стакане
Жизнь моя – замужняя вдова.

У окошка бледная, больная,
В платье, под которым пустота,
Плачет тихо, слёзы утирая
Дочь моя внебрачная – Мечта.

Всё застыло, только лишь страницы
Календарь роняет в тишине,
Да скрипят в прихожей половицы,
Вспоминая с грустью обо мне.

И никто не видит и не знает
Радужные тёплые края,
Где среди цветов меня ласкает
Смерть моя – любовница моя.

Я гадостей в жизни наделал немало,
Играйте Шопена на медной трубе!
Кричали вы мне: «Надоело! Достало!».
Но гадости делал не вам, а себе.

Не вам эти иглы дырявили вены,
Не вас пеленала спиртовая муть,
Не вы познавали победы, измены...
Так дайте ж хоть день, хоть часок отдохнуть...

Упрёки, бойкоты, угрозы и страхи...
Зачем мне они и без них тяжело?
И будь я в пути без последней рубахи
Склоняться не станет больное чело.

Я слишком тяжёлый для ваших подмостков,
Я слишком ненужный для ваших трибун,
Мне незачем знать, как сминает подростков
Шальных лошадей безупречный табун.

Мне незачем знать ничего, да и ладно
Спокойнее будет терпения нить,
Но если порвётся она, то накладно
Вам будет фантомов своих хоронить.

Я гадостей в жизни наделал немало,
Заткнись на мгновенье Шопена труба,
Кричите и войте: «Достало! Достало!».
Я кровь утираю с разбитого лба!

Я видел сон, в нём молчаливый кто-то
Кружил над пропастью по шаткому мосту,
И уходило плавно в пустоту
Скрипление печального фокстрота.

И старые бесформенные скалы,
Истёртые о тёмный небосвод,
У пропасти водили хоровод,
Покинув вековые пьедесталы.

Сон без цветов, светил и ароматов.
Ни дня, ни ночи, лишь полутона
Любила эта грустная страна,
Не знавшая восходов и закатов.

Вновь костры у славянской избы
Разожгли чужеземные люди,
И за вкрадчивой песней судьбы
Слышен гром стенобитных орудий.

Снова старый безумный колосс
Наступает на ржавые грабли,
И среди белокожих берёз
Засверкали монгольские сабли.

Мы идём, что нам сабли и гром?
Пережито давно и не ново,
Наша цель в самый маленький дом
Занести подзабытое Слово.

Не споткнуться бы нам на пути,
Не сломаться под тяжестью неба
И на дальний рубеж донести
Знамя с запахом чёрного хлеба.

Куплю-ка я себе на вырост гроб,
Пока не разобрали конкуренты,
Но неспроста куплю, а просто чтоб
Не пропустить весёлого момента.

Когда никто воды не поднесёт,
В него я лягу и глаза прикрою.
И, отправляясь в длительный полёт,
Я даже крыльев не возьму с собою.

И пусть несут без лишних процедур
Подальше: за луга, леса, болота,
Где наконец-то будет перекур,
И потеряет значимость работа.

Где безразличны правда и обман,
Земля и небо, замок и лачуга;
Никто не лезет ни к кому в карман,
Не надо ни любить, ни бить друг друга.

Куплю-ка я себе на вырост гроб,
Как символ веры в счастье и богатство,
Как знак того, что только пуля в лоб
Несёт свободу, равенство и братство.

Сегодня охота напиться,
Чтоб больше не видеть земли,
Чтоб эти поступки и лица
Присниться уже не могли.

Поверив манящему звону,
В заштатный зайти ресторан
И спрятав стыдливо корону
Портвейном наполнить стакан.

А после бродить по аллеям,
От мутного млея тепла,
Глядеть , ни о чём не жалея,
Как жизни чернеет зола.

Всем ближним платя неустойки,
На сотню купить колбасу.
И тут же скормить у помойки
Больному голодному псу.

Присесть на скамейку устало,
Предчувствуя скорый отъезд,
И вдруг по окошку подвала
Узнать свой родимый подъезд.

Подняться по лестнице гулкой,
Достав из кармана ключи,
Понять , что не все переулки
Исхожены в этой ночи.

Увидеть дымящийся ужин
На белом красивом столе,
Увидеть, что больше не нужен
Патрон в равнодушном стволе.

А утром опять усомниться,
На Солнце слепящее злясь,
Но вспомнив поступки и лица,
Поверить, что жизнь удалась.

Замолчи, истерзанная лира,
Кровью захлебнувшийся набат.
На погостах плачущего мира
Демонов парад.

Плачь звучал всегда - звучит и ныне,
Разъедает эшафоты соль,
Но стоят надёжно две твердыни -
Ненависть и Боль.

Стало пусто в золочёных храмах,
Окна их черны.
Скалится в газетных панорамах
Злобная личина сатаны.

В гневе термоядерного рыка
Меркнет скорбь растоптанных икон,
Веру человеческая клика
Бросила на кон.

Замолчите, немощные Боги,
Часовые мнимых аксиом,
Смерть бредёт по замкнутой дороге
С цинковым ведром.

Но внезапным эхом исказила
Одинокий вопль пустота,
И в словах вернувшихся сквозила
Глупая мечта...

Лей бальзам, сверкающая лира,
Смолк навеки стонущий набат.
В небесах смеющегося мира
Ангелов парад.